

ЭО-Online, 2014 г., № 3

© И.Л. Бабич

Рец. на: *Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы)*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012. 340 с.

Политическая антропология («антропология власти») как академическая дисциплина начала активно развиваться в мире в связи с «проблемой управления колониями»¹, и уже на рубеже 30–40-х годов XX в. при изучении «первобытных» обществ Африки и других территорий достигла своего научного уровня². В последующие годы и в настоящее время сфера исследований в этой области значительно расширилась³. В рамках данного научного направления постепенно предметом анализа политической антропологии стало не только политическое управление в архаических обществах, но и *политическая культура тех традиционных обществ, которые были уже втянуты в более «развитые» политические системы и были подвержены процессу модернизации*, т.е. со временем в мировой политической антропологии стала изучаться национальная и этнокультурная специфика политических отношений⁴.

В России данное направление появилось еще в XIX в. и рассматривалось главным образом под углом «изучения власти» (Н.И. Зибер, М.М. Ковалевский, Н.Н. Харузин). В советские годы преимущественно развивалась политическая антропология народов Африки, Азии, т.е. зарубежных народов, в рамках «потестарно-политической этнографии» (от лат. *potestas* – сила, мощь, господство, власть и т.п.)⁵. В новейшее время данная дисциплина как академическая получила широко распространение в России с середины 1990-х годов⁶. Изданы учебники по этой дисциплине⁷, написаны многочисленные труды. С 2004 г. в Российской ассоциации политических наук функционирует исследовательская комиссия по политической антропологии⁸.

Одним из ключевых терминов политической антропологии стала *политическая культура*, под которой понимается система исторически сложившихся, относительно устойчивых, воплощающих опыт предшествующих поколений людей установок, ориентаций и моделей поведения (функционирования), проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса, фиксирующих принципы их отношения к этому процессу в целом, его основным элементам и тем самым обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества. Автором понятия «политическая культура» является немецкий просветитель И. Гердер, изучавший проблемы взаимодействия культуры и политики⁹.

И в 2013 г. в Российской академии наук появляется научная монография к.и.н. Ю.Д. Анчабадзе «Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы)», в которой утверждается, что данное научное направление – политическая антропология – «не имеет истории развития как в мире, так и в России». Видимо, автор не счел возможным ознакомиться с ключевыми исследованиями, с основными теоретическими и практическими результатами.

Автор рецензируемой монографии подчеркивает, что объектом исследования в монографии является *политическая культура адыгов, которая ранее не изучалась*, а поэтому автор, по-видимому, не счел необходимым подготовить историографический обзор. Ю.Д. Анчабадзе пишет: «Изучение политической культуры этноса на адыгском и

Ирина Леонидовна Бабич – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: irina@babich1.net

шире – кавказском историко-этнографическом материале – в отечественном кавказоведении проблема новая, не сформулированная в качестве специальной исследовательской задачи». Автор по непонятным причинам практически «смел» с научного горизонта десятки научных работ, в которых изучались *ключевые вопросы политической культуры адыгов*. Исследователи никогда не называли свои исследования модными словами – «политическая культура», но, тем не менее, анализировали все те вопросы, на которых останавливается в своей работе Ю.Д. Анчабадзе.

Основными компонентами политической культуры являются:

1. ориентации, установки людей, в отношении существующей общественно-политической системы и строя в целом;
2. важнейшие правила общественно-политического поведения и деятельности (морально-этические ценности, национально-психологические и религиозные нормы поведения и традиции);
3. политические настроения, быстроменяющиеся политические взгляды, оценки и др.

Один из крупных исследователей политической культуры адыгов, М.Н. Губжоков, отмечает, что «сама концепция политической культуры сформировалась в недрах западной политической науки... изначально ориентированной исключительно на политическую практику. По сей день политическая культура остается концепцией, отражающей в основном реалии западного общества, причем на определенной стадии его развития. Ввиду этого политологи достаточно редко обращаются к изучению докапиталистических обществ, в то время как для этнологов предметом исследования являются именно традиционные культуры»¹⁰. Таким образом, объектом исследования политической культуры адыгов является, по сути, *традиционная культура*.

Важно различать политологический и этнологический подход к изучению политической культуры. По мнению Л.Е. Куббеля, специалиста в области политической антропологии, основным отличием точки зрения политологов от этнологического подхода является рассмотрение первыми политической культуры как явления, принадлежащего «к политической системе, а не к культуре общества в целом как самостоятельной сфере исследования», в то время как в рамках интересующей нас темы более перспективным оказывается иной аспект проблемы: исследование политической культуры в качестве составной части культуры конкретного этноса¹¹. В этом случае политическая культура оказывается структурным элементом соционормативной подсистемы культуры, занимающимся рассмотрением представлений о власти у конкретного этноса и складывающихся в соответствии с ними отношений властвования и политических институтов.

Ю.Д. Анчабадзе сформулировал, что его объектом исследования являются все традиционные институты, связанные с властью, т.е. этнографические аспекты бытования власти в традиционных обществах адыгов.

Вопреки утверждениям Ю.Д. Анчабадзе, политическая культура адыгов (и шире – народов Северного Кавказа) за последние 20–40 лет широко изучалась в России. Работы, посвященные изучению политической культуры и политической истории народов Северного Кавказа, активно появлялись с 1980-х – начала 1990-х годов (среди авторов, напр.: Х.А. Алиев, М.Н. Губжоков, С.Х. Мафедзев, А.И. Мусукаев, А.И. Першиц, Г.Х. Мамбетов, И.Л. Бабич, Э.Л. Коджесау, А.Ю. Чирг, Р.А. Ханаху, Р.С. Кандор, Х.С. Кушхов, Д.Н. Прасолов, Б.Г. Тлехас, Л.Х. Сабанчиевы и др.)¹². Политическую культуру других народов Северного Кавказа изучали Е.Г. Битова (на примере балкарцев), Е.А. Кобахидзе (на примере осетин)¹³. Из написанных на более широком северокавказском материале можно упомянуть работы М.А. Яндиева, Г.Н. Малахова, Н.М. Будаева¹⁴, посвященные политической культуре народов Северного Кавказа.

Все представленные работы вообще не отражены в монографии Ю.Д. Анчабадзе. А ведь авторы большинства этих работ обращались к тем же источникам (Центральный Архив КБР – 2, 6, 9, 34, 40., Р-2, 3, 5, 64, 65, 69), рассматривали те же самые традиционные институты власти и самоуправления и приходили к тем же самым выводам, но только ранее – на протяжении 20–40 лет. Тогда как новые архивы, которые нуждаются в об-

работке – а именно, партийный архив КБР, ГАКК – до сих пор не использованы ни этим автором, ни авторами до него. Задача исследователя – использовать разные типы источников, чтобы суметь дать всестороннее видение и анализ изучаемых проблем. Любопытно, что автор даже не обратился к такому источнику, как материалы путешественников, которых очень много. Важно подчеркнуть, что изучение традиционной системы управления невозможно без обращения к источнику – законодательным и нормативным актам. Они широко использованы в докторской диссертации Е.А. Кобахидзе, посвященной политической культуре осетин.

Обратимся к разделам рецензируемой книги. Их всего два: первый раздел посвящен 1860–1910-м годам, второй – 1920-м годам. Подчеркнем, что монография не имеет сбалансированной структуры: если для первого раздела отведено всего 86 страниц, то для второго раздела почти в 3 раза больше – 226 страниц.

Первый раздел содержит три главы; тем не менее, представляется, структура раздела продумана слабо: автор во всех главах рассматривает одни и те же вопросы, а именно: функционирование сельских сходов (первая глава – С. 22–28, 51; вторая глава – С. 52–62; третья глава – С. 86), институт старшин (первая глава – С. 29–43; вторая глава – С. 62–72; третья глава – С. 96), статус исламских лидеров (первая глава – С. 45; вторая глава – С. 72–74; третья глава – С. 95), традицию похищения невест, статус доверенных лиц, конфликты (воровство, кровная месть, оскорбление) и т.д.

Во втором разделе также содержатся три главы, в которых фактически речь идет об истории установления советской власти и социалистических преобразований, в том числе модернизации традиционных институтов – тех же самых, о которых идет речь в первом разделе, но уже применительно к другому историческому периоду – 1920-м годам (изменения в положении женщин, создание КОВов, функционирование сходов, бытование института старшинства, статус исламских лидеров, анализ конфликтов и т.д.).

Важно подчеркнуть, что практически целиком выбранным для изучения Ю.Д. Анчабадзе традициям или, как иначе говорят, традиционной культуре посвящены несколько монографий (Х.С. Кушховым, И.Л. Бабич, Е.Г. Битовой, М.Н. Губжоковым, С.Х. Мафедзевым, А.И. Мусукаевым, А.И. Першицем, Г.Х. Мамбетовым, Э.Л. Коджесау, Д.Н. Прасоловым, Б.Г. Тлехас, Л.Х. Сабанчиевым и др.)¹⁵. Все они не отражены в рецензируемой монографии. Например, институты власти (съезды доверенных, аульные старшины), институт гостеприимства, институты кровной мести, взаимопомощи, община, система сельского самоуправления изучались подробно следующими авторами: Х.С. Кушховым, И.Л. Бабич, Д.Н. Прасоловым, М.А. Меретуковым¹⁶, Б.Г. Тлехас, Л.Х. Сабанчиевым, Г.Х. Мамбетовым¹⁷, Э.Л. Коджесау, Я.С. Смирновой, А.И. Мусукаевым, А.И. Першицем¹⁸, а также И.Л. Бабич в ее монографии «Правовая культуры адыгов», вышедшей в 1999 г. и до сих пор не прочитанной автором рецензируемой книги.

В монографии Х.С. Кушхова представлена прекрасная библиография по всем вышеуказанным темам, причем среди указанных в ней авторов (по состоянию на 2011 г.) – лишь одна статья автора рецензируемой монографии¹⁹. Тогда как сам Ю.Д. Анчабадзе в рецензируемой книге не упомянул ни одну из вышеприведенных работ, в том числе и монографию Х.С. Кушхова. Поэтому понятно, что для автора рецензируемой книги данная тема – новая, ранее никем не изученная. Он просто не считал необходимым изучить то, что было сделано до него.

Во многих из вышеуказанных книг рассматриваются вопросы политической антропологии адыгов. В частности, в своей монографии Р.С. Кандор, исследовавший традиционную политическую культуру западных адыгов, ставит вопрос об изучении политической антропологии адыгов²⁰. В статье Х.А. Алиева исследуются особенности устройства обществ у народов Северного Кавказа с учетом культурных, исторических, ментальных, религиозных и иных социопсихологических факторов и их взаимодействия с властями. В статье также проделана попытка дать краткое представление о политической культуре Северокавказского региона, о роли тухумно-тейповых отношений, о восприятии власти в сознании народов Северного Кавказа. Осуществлена постановка проблемы в области политической культуры осетин в работах Е.А. Кобахидзе с опорой на

методы и понятия, изложенные в трудах Н.Н. Крадина – основоположника теории и методологии политической антропологии, о котором я писала выше²¹. Мы видим прекрасные работы по политической антропологии народов Северного Кавказа. На эти работы можно опираться. Так, цель докторской диссертации Е.А. Кобахидзе – «комплексная разработка проблем исторического взаимодействия традиционной и государственно-правовой системы на примере Осетии». Объект исследования – осетинское общество как целостная социальная система. Это грамотный и глубокий подход. Автор показывает методику подходов к изучению традиционной системы управления²².

В плане методологии ключевой работой по политической антропологии адыгов можно рассматривать работу М.Н. Губжокова «Эволюция традиционной политической культуры западных адыгов в период Кавказской войны»²³.

Прежде всего автор рассматривает понятие «политическая культура», которое достаточно многогранно и может приобретать различное содержание в зависимости от подхода²⁴. Ключевым элементом в политической культуре адыгов, как считает М.Н. Губжоков, является комплекс представлений о *лидерстве*, а также и сама система лидерства (военные лидеры и др.). Автор рассматривает различные критерии, по которым устанавливается лидерство (военный, социальный, интеллектуальный, возрастной, религиозный и т.д.). Главным вопросом в системе лидерства стал сословный фактор, на основе которого по существу и формировалась политическая элита в адыгском обществе. М.Н. Губжоков анализирует изменение статуса адыгской знати как политических лидеров.

М.Н. Губжоков подчеркивал, что, «подобно тому, как культуру любого конкретного этноса можно представить как результат взаимодействия элитарной и народной культур, так же и в сфере самой политической культуры вполне закономерно выделение по тому же принципу двух политических субкультур. При этом все структурные элементы политической культуры, тенденции их трансформации будут зависеть от соотношения традиций, присущих каждой из данных субкультур. В частности, для Западной Черкесии это явление выразилось в образовании и существовании до конца Кавказской войны двух обществ (т.н. «аристократического» и «демократического»), грань между которыми пролегла именно по степени преобладания элитарных или народных политических традиций»²⁵.

О невозможности разделения, при изучении политической культуры, на политическую культуру привилегированных слоев и политическую культуру крестьян писали и другие адыговеды. Так, С.Х. Мафедзев, изучавший все стороны адыгской культуры и формы ее передачи в XIX–XX вв., подчеркивал, что «достаточно сложно отчетливо разделить сословно-классовые аспекты межпоколенной трансмиссии культуры адыгов: во-первых, социальные слои представляли собой не только две противостоящие категории, но и целый спектр таких категорий, во-вторых, некоторые нормы, выработанные в высших слоях, часто становились референтными для низших»²⁶.

Между тем, Ю.Д. Анчабадзе в своей монографии определяет объект своего исследования – *политическая культура исключительно крестьянства*. Традиционные институты могут быть в разных сферах жизни, в том числе и вне крестьянской общины, поскольку социальная структура некоторых адыгских народов предполагала *различные социальные ячейки общества*. Однако автор ни в названии своей книги, ни во введении не пишет о том, что он *сужает* тему исследования до *изучения традиционных институтов только в рамках крестьянской общины*. В силу этого рассматривать лишь народных лидеров без их взаимосвязи с политической знатной элитой – значит, *не оценивать весь комплекс проблем, связанных с политической культурой адыгов*. Как мне представляется, это методологическая ошибка рецензируемой монографии.

Именно М.Н. Губжоков в своей работе ставит важный вопрос: почему в адыгском обществе не сформировались крупные лидеры общенационального масштаба. Автор связывает это с «многообразием интересов, расколовших адыгское общество». Ю.Д. Анчабадзе даже не ставит перед собой задачи решения таких ключевых вопросов для политической культуры адыгов.

И, наконец, М.Н. Губжоков сформулировал фундаментальный вопрос, который следует исследовать в рамках политической культуры адыгов (и шире – политической антропологии адыгов), а именно *проблему формирования адыгской государственности* и, соответственно, *политических институтов и политического сознания адыгов*. Целым рядом авторов, занимавшихся политической историей и культурой адыгов, формулировался вопрос *о наличии предпосылок и зачатков формирования адыгской государственности в XIX в.* (А.Ю. Чирг и др.). К 1860-м годам, т.е. времени, к которому обратился Ю.Д. Анчабадзе, в адыгском обществе сложилась крайне интересная ситуация. А.Ю. Чирг указывал, что «с конца XVIII – до начала 60-х годов XIX шел противоречивый, но в целом поступательный процесс государственно-политической консолидации западных адыгов... Стремление к созданию единого государства было обусловлено как необходимостью обороны, так и тенденцией внутреннего социально-экономического развития»²⁷. И именно царское правительство, по мнению А.Ю. Чирга, не позволило завершить закономерный процесс образования централизованного Черкесского государства. Между тем Ю.Д. Анчабадзе данную, ключевую для политической антропологии адыгов, проблему – *процесс государственно-политической консолидации в контексте политической культуры* – даже не затронул и не рассматривал.

Выводы Ю.Д. Анчабадзе представляются мне не новыми, ранее уже не раз сделанными другими адыговедами на протяжении более 40 лет изучения традиционных институтов адыгов. Подчеркну, что единственным «новым» и крайне необоснованным, на мой взгляд, выводом автора рецензируемой монографии является его заключение о том, что «культурно-бытовые особенности (крестьянской общины. – И.Б.) оставались на обочине внимания специалистов» (С. 334).

Ю.Д. Анчабадзе, обращаясь к истории традиционных институтов во второй половине XIX – начале XX вв., делает вывод о том, что «формы социально-политической жизни адыгского аула обуславливались включенностью этой территориальной единицы в систему низового аппарата Российской империи» (С. 334.), и «не теряли своей актуальности традиционные общинные нормы самоуправления» (С. 335).

По теме традиционных институтов в общественном быту адыгов написано более сотни работ, о чем я попыталась написать выше. Представлю лишь некоторых из них: Х.С. Кушхов изучал все стороны традиционных институтов кабардинцев как одного из крупных субэтносов адыгов с 1860-х по 1910-е годы²⁸. Автор делает следующий вывод: «Проведенное исследование позволяет говорить о том, что развитие традиционного общества Кабарды в конце XIX – начале XX в. имело признаки частичной модернизации. Она заключалась не в целостном обновлении, а в его постепенной адаптации к тем условиям, которые складывались в результате включения Кабарды в состав Российской империи после 1822 г. В пореформенные годы этот процесс продолжался, но он не сопровождался разрушением традиционных институтов общественной саморегуляции, а ограничивался постепенным сужением сферы их функционирования. Некоторые из них, трансформировавшись, органично встраивались в изменяющуюся систему социально-экономических отношений, содействуя сохранению традиционных основ кабардинского общества»²⁹. Другой исследователь, Р.С. Кандор, исследовавший традиционную политическую культуру западных адыгов, сделал вывод, что к 60-м годам XIX в. произошла мощная модернизация традиционной системы управления адыгского общества³⁰. В отношении западных адыгов об этом писал и М.Н. Губжоков, который выявил, что «описанный выше комплекс политических представлений и властных институтов, свойственный западным адыгам, в специфических условиях Кавказской войны претерпел значительные изменения, которые были следствием как внутренней эволюции, так и сложного процесса взаимодействия традиционной политической культуры с иноэтничными политическими культурами»³¹. И.Л. Бабич, изучая такие традиционные политические институты, как институт кровной мести и др., отмечала, что, модифицируясь, данные институты сохраняли свои позиции в пореформенной адыгской общине и позднее – в 1920-е годы³². Е.А. Кобахидзе, на основе осетинского материала, делает вывод о сохранении традиционного местного самоуправления и встраивании его в общую государ-

ственную систему³³. То же самое можно сказать и о характере эволюции всех исследуемых институтов общественного быта, о которых мы писали выше. Выводы об их развитии содержатся во всех вышеуказанных работах³⁴.

Как мне представляется, для дальнейшего углубления в изучение политической антропологии на примере адыгов следовало исследовать именно *основные направления политических позиций адыгов, характер и формы деятельности, а также последствия этой деятельности*. Кроме того, следовало бы уделить особое внимание *персоналиям* и рассмотреть *историю политической деятельности основных политических лидеров адыгов*, а также основные модели политического поведения адыгов (так наз. «*российско-имперская политическая*», «*казачья*», «*антироссийская*», «*исламская*», «*национальная*», «*гражданская*» и т.д.). После анализа данных политических позиций следовало бы показать основных лидеров этих направлений. Подчеркнем, что западные адыги и кабардинцы как во второй половине XIX – начале XX в., так и в 1920-е годы *имели разное соотношение данных моделей*: они были в разной степени представлены в данных обществах. Опираясь на формы политического устройства, следовало ответить на вопрос: *Какие модели политического поведения адыгов могли появиться, исходя из того политического устройства, которое внедрила Россия?* Формировала ли российская власть гражданское общество?

Таким образом, рецензируемая монография вводит читателей в заблуждение относительно степени изученности данной проблематики. Многочисленные работы в области адыговедения вышли задолго до книги Ю.Д. Анчабадзе, и выводы данных авторов, сделанные ранее, в большинстве случаев идентичны с теми выводами, которые представлены в рецензируемой монографии. Представляется, что выбранный автором подход – игнорировать научное богатство, которое сложилось к 2010-м годам – не совсем научен и неэтичен и вряд ли будет принят в научном сообществе. Рецензируемая монография не является оригинальным, новым научным исследованием, и я не могу, к сожалению, поздравить автора с выходом его первой научной самостоятельной монографии.

Примечания

¹ Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004. С. 31–34.

² См. работы Э. Эванс-Причарда, посвященные исследованию политической жизни нилотских народов: «Нуэры» и «Политическая система ануаков», а также коллективный труд «Политические системы Африки» (под ред. Э. Эванса-Причарда и М. Фортеса).

³ См. библиографию в: *Cohen R. Political Anthropology // Handbook of Social and Cultural Anthropology. Chicago, 1973. P. 861–881.*

⁴ Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии / Сост. и отв. ред. В.В. Бочаров. СПб., 2006–2007; *Бочаров В.В. Политическая антропология и общественная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 131–145; Крадин Н.Н. Политическая антропология; Лефорт К. Формы истории. Очерки политической антропологии. СПб.: Наука, 2007; Политическая антропология / Под ред. В.В. Ильина. М., 1995; Гавров С.Н. Политическая культура // Социокультурная антропология: история, теория, методология. Энциклопедический словарь. М., 2012; *Cheater A. The Anthropology of Power: Empowerment and Disempowerment in Changing Structures. L., 1999; Lem W., Leach B. Culture, Economy, Power: Anthropology as Critique and Praxis. Albany, 2002; Lewellen T.C. Political Anthropology: An Introduction. L., 2003.**

⁵ *Зотова Ю.Н. Традиционные политические институты Нигерии. М., 1979.*

⁶ *Тишков В.А. Политическая антропология. Lewiston: Edwin Mellen Press, 2000; Тишков В.А. Новая политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4.*

⁷ Крадин Н.Н. Политическая антропология.

⁸ Крадин Н.Н. Современные тенденции политической антропологии // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток, 2013. С. 219–241.

⁹ *Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. Т. 1. М., 2011.*

¹⁰ *Губжиков М. Эволюция традиционной политической культуры западных адыгов в период Кавказской войны // Информационно-аналитический вестник отдела истории АРИГИ. Вып. 1. Майкоп, 1999. С. 66–71.*

¹¹ Там же.

¹² Губжоков М. Эволюция...; Алиев Х.А. Политическая культура и традиции горских народов Северного Кавказа // Политология. 2010. № 5; Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991; Коджесау Э.Л. Положение женщины в адыгском обществе в прошлом // Культуры и быт адыгов. Вып. 9. Майкоп, 2001. С. 24–41; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа. М., 2002; Кандор Р.С. Трансформация традиционной системы управления западных адыгов (черкесов) (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). М., 2009; Кушков Х.С. Социально-политическое и этнокультурное развитие Кабарды в пореформенное время. Нальчик, 2011; Прасолов Д.Н. Кабардинская сельская община во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. к.и.н. Нальчик, 2001; Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992; Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 2011; Бабич И.Л. Правовая культура адыгов. М., 1999; Ханаху Р.А. Традиционные культуры Северного Кавказа. Ростов на Дону, 2001.

¹³ Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX в. Сельская община. Нальчик, 1997; Кобахидзе Е.А. Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. СПб., 2012. Автореф. д.и.н.

¹⁴ Яндиев М.А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. М., 2008; Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов на Дону, 2003; Будаев Н.М. Очерки политической истории Северного Кавказа. Нальчик, 2007.

¹⁵ Битова Е.Г. Модернизирующие реформы на Северном Кавказе и местные политические традиции: отторжение или адаптация // RES PUBLIKA. Вып. 1. 2000. С. 163–194; Битова Е.Г. Политико-административная интеграция в Российской империи и ее северокавказская периферия в XIX в. // Сборник научных трудов молодых ученых КБГУ. Нальчик, 1998. С. 38–42; Будаев Н.М. Очерки...; Губжоков М. Эволюция...; Алиев Х.А. Политическая...; Мафедзев С.Х. Межпоколенная...; Коджесау Э.Л. Положение женщины в адыгском обществе в прошлом // Культуры и быт адыгов. Вып. 9. Майкоп, 2001. С. 24–41; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа. М., 2002. С. 183; Кандор Р.С. Трансформация системы...; Кушков Х.С. Социально-политическое...; Прасолов Д.Н. Кабардинская...; Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные...; Мамбетов Г.Х. Традиционная...; Бабич И.Л. Правовая культура адыгов.

¹⁶ Кушков Х.С. Социально-политическое... С. 54–87, 126, 129, 176, 177; Прасолов Д.Н. Кабардинская...; Меретуков М.А. Образ жизни и нормативно-организационные функции сельской общины у адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. 7. 1988. С. 23–29; Бабич И.Л. Правовая культура...

¹⁷ Тлехас Б.Г. Традиция взаимопомощи в соционормативной культуре адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. 8. 1991. С. 43–65; Сабанчиев Л.Х. Институты взаимопомощи в системе жизнеобеспечения кабардинцев // Сборник молодых ученых и аспирантов. Нальчик, 2009. С. 35–48; Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 2011.

¹⁸ Коджесау Э.Л. Положение... С. 24–41; Смирнова Я.С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа / Под ред. В.К. Гарданова. М., 1968. С. 185–274; Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные... С. 153, 175.

¹⁹ Кушков Х.С. Социально-политическое... С. 180–198.

²⁰ Кандор Р.С. Трансформация... С. 27.

²¹ Кобахидзе Е.А. Политическая культура... С. 68–81.

²² Кобахидзе Е.А. Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010. С.14–15.

²³ Губжоков М. Эволюция... С. 66–71.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991. С. 11.

²⁷ Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа. М., 2002. С. 183.

²⁸ Кушков Х.С. Социально-политическое...

²⁹ Там же. С. 178.

³⁰ Кандор Р.С. Трансформация системы управления... С. 153–160.

³¹ Губжоков М. Эволюция... С. 66–71.

³² Бабич И.Л. Правовая... С. 227, 231.

³³ Кобахидзе Е.А. Осетия... С. 43–44.

³⁴ Бабич И.Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995. С.110–111.